

1. Хиппи

Каждое утро похоже на предыдущее, и все они вместе похожи на ту облезлую собаку, что провожает меня до общаги. И, пока я стучусь в дверь и переругиваюсь с вахтёром, пока выслушиваю маты коменданта, намертво приклеившего мне ярлык потаскухи, эта блудная псытина сидит на рассыпающемся цементном крыльце и молча метёт хвостом заплёванную серую площадку.

Всё, что было, остаётся за дверью вместе с плешивой собакой, а меня несёт вверх стёртая лестница, укладывает спать одеяло в застиранном пододеяльнике, оно же надёжно укрывает меня от суеты проснувшихся соседок. Они спешат на лекции и оттого ещё громче обычного громяют чашками и чайником, жужжат феном и привычно ругаются на тему «Это моя помада, ты дура, сама мне подарила...нет, подарила!». Наконец, шум стихает, в раковине остаётся гора немых стаканов, тараканы потирают лапки, а я проваливаюсь в сон.

Город – многослойный пирог, состоит из множества отдельных, не перемешивающихся друг с другом блинов. Нижний слой – наверное, бродячие собаки, которые живут своей полноценной жизнью, не обращая никакого внимания на нас, спешащих по своим делам... Они так же сбиваются в сообщества, спят и добывают пищу, гибнут под колёсами и замерзают зимой, и, возможно, – как знать – оплакивают своих дохлых товарищей, ведь и для них собственная жизнь, какой бы собачьей, на наш взгляд, она ни была, представляет немалую ценность...

Слой повыше – городские бомжи, те же самые бездомные псы, только когда-то бывшие людьми. Им нет дела до того, что творится в верхних слоях этого копошащегося торта-муравейника...

А в верхних слоях происходят встречи, конференции и презентации, и вечно куда-то спешащие толстобрюхие и чисто выбритые дяди за стёклами служебных машин думают о чём-то очень далёком, далёком от повседневной суеты семенящих с оптовки бабулек, гружёных мешками с луком или сахаром, от стремительно разворачивающихся и складывающихся торговых палаток на рынках, от напивающейся по ночам молодёжи, удовлетворяющей свои

естественные потребности на улицах с такой ловкостью и бесстыдством, что собаки приходят в восторг... Мы ходим по улицам, вроде бы одновременно, но помеченные разной краской; мы с презрением относимся к тем, чей цвет краски не совпадает с нашим, не важно, из какого слоя пирога этот цвет... Солнце встаёт по утрам, и для всех это имеет значение, но, пожалуй, никто так не радуется его теплу так, как спящие на газонах по двадцать, пятьдесят; уходящие со своих далеко не тёплых мест как только появляются первые люди, оставляя за собой только стойкий резкий запах – ушастые и мохнатые, текущие и ухаживающие, голодные и принимающие жизнь как должное участники одного бесконечного хора, имя которому – город.

Вечер только начинался. И начинался он отвратительно. Было скучно до визга, хоть раздеваясь посреди площади. Какие-то бродяги пытались меня клеить, я посмеялась с ними, сидя на лавочке, а потом вскочила в подошедший автобус и отделалась совершенно неожиданно для них и для себя. Кондукторша в автобусе пристала с вопросом, ЧТО У МЕНЯ, а я отвечала, что у меня депрессняк. Это её не устраивало ни в качестве платы за проезд, ни вообще по жизни: она излучала АБСОЛЮТНЫЙ оптимизм, и прежде всего – оптимизм в перспективе меня высадить. Но я имела своё мнение на этот счет. И бог знает, куда бы меня увёз этот дурной автобус из моего упрямства, если бы какой-то мужик не встрял и не уплатил за меня. Я вышла на следующей остановке вместе с ним.

Далее он пошёл быстрым шагом и своей дорогой, так что продолжения и истории не последовало. Говорю, вечер начинался отвратительно.

Я поторчала у киоска с пивом, продефилировала по двум магазинам и только хотела попросить у одного кента сотовый, чтобы позвонить по какому-нибудь дежурному номеру, как этого кента под белы ручки взяли двое ментов и, ткнув кулаками ему под рёбра, повели к будке. Ненавижу ментов. Особенно тех, кто забирает практически трезвых мужиков в вытрезвители и потрошит их карманы. Волки уличные. Я бегом догнала процессию и бросилась «пострадавшему» на шею:

– Игорьёк! Я тебя уже потеряла!

Отпустите его, пожалуйста, это мой парень, я его сейчас домой отведу!

На этот раз я была оптимизмом, а менты противопоставляли свой цинизм. Победила дружба. Парень вытащил из бумажника полтинник, и городские циники отстали. Он обнял меня как родную и повёл к остановке. Для убедительности

оборачивающимся нигилистам я продемонстрировала затяжной поцелуй, в котором парень принял участие с нарастающим интересом. Мы с полчаса выпивали друг из друга слюнявые соки, так что бабка на остановке громко, но как бы про себя, обозвала меня падшей женщиной.

Мы продолжали целоваться и в автобусе так, что народ воротил морды. Вышли в центре города и уселись в каком-то уличном кафе с гремящей музыкой... Видимо, кроме уплаты налогов в обязанности этих кафе входит отогревать прилегающие улицы ортодоксальной попсой... Пока мы пили пиво, подтянулись друзья моего Игорьька (как его зовут, я так и не спросила, называла Игорььком и всё тут). Откуда они взялись – не понятно, наверное, он позвал их по сотовому. Стало намного веселее, появилось ещё пиво...

Я когда-нибудь напишу об этом роман, это невыразимое сладкое время суток, когда зажигается множество огней вместо одного – естественного, и музыка закладывает уши и слышится словно через вату выпитого пива, и прущее из солнечного сплетения желание всех обнять.

Все гадкие серые мотыльки слетаются к фонарям, и в их свете образуют живую паутину, и уже не кажутся такими пыльными, а золотятся и светятся, как сотня звёзд, спускающихся с небес.

2. Яппи

...Когда-нибудь и этот день закончится, – повторяю я себе каждый раз, когда, выйдя из её кабинета, падаю за свой стол и, отвернувшись к телефону так, чтобы никто-никто не видел моих слёз, начинаю дозваниваться несуществующему абоненту. Когда-нибудь, через несколько лет, если я и вспомню этот эпизод, буду тихо грустить над своей когда-то незавидной участью среднестатистического клерка и злорадно думать, как же здорово, что её сейчас уже нет не только в моей жизни, но и среди среднестатистически успешных людей города. «Когда-нибудь и этот день...» – я каждый день, добираясь до работы почти часовой маршруткой, пытаюсь сложить эту строчку в стихи и понимаю, что на новой работе я совершенно потеряла поэтическое «вещество»...

И когда заканчивается «этот день», так шемяще похожий на все предыдущие своей

суемой и бесконечно бьющей о лицо скамьёю, когда выключен компьютер, закрыты окна, жалюзи и двери, сданы ключи, – блаженный миг, когда я иду домой, завершив, наконец, очередной отчёт или программу, распечатав на завтра кипу служебок... В этот миг мир снова прорывается в меня своим многоцветием, своей полифонией и сложнейшей мозаикой человеческих костюмов, лиц и движений.

У кинотеатра, мимо которого я прохожу каждый вечер, встречаются пары: зелёные девчонки вдыхают подаренную розочку и трепетно держа её в пальцах, направляются с кавалером к очереди в кассу... Всё как во времена наших мам: снова очереди в кинотеатры, снова юбки на девушках, и в моде горох, круглые носы тубель и пышные прямые волосы. Снова за стёклами уютных кафе встречаются студенты...

Я иду по шумной улице, я вдыхаю сладкий запах готовящегося поп-корна, я не участвую в общем гвалте, но каждый вечер он подпитывает меня желанием жить и завершить наконец стихи про «когда-нибудь и этот день»...

– Девушка, можно с вами познакомиться, вот я тут сидел, и вы мне так понравились...

Это происходит почти всегда – я каждый вечер иду мимо гремящего уличного кафе, полного подпитых неудачников, у которых не хватает денег на нормальное пиво и постоянных девушек. Как и всегда – молча игнорирую, потому что стоит заговорить – и они уже считают, что девушка им обязана.

– Де-е-евушка, ну как же так? Ну посидите с нами, пожа-а-алуйста, – глотая гласные (видимо, другой закуски нет) нудит «ухажёр». Его компания за столиком кафе с интересом наблюдает. Среди них только одна девушка. Я прибавляю шаг, ныряю в оживлённый подземный переход и уже с противоположной стороны улицы, стоя на остановке, наблюдаю, как тот же чудик клеит следующую прохожую.

Ещё два часа – и я наконец упаду в сон.

– Если вы не договоритесь о размещении с завтрашнего дня, я вообще не знаю, что с вами сделаю! Это ваша работа! Всё, иди отсюда!

И я снова глотаю слёзы, и, прячась от коллег, которые встречают меня соболезнующим взглядом, сажусь на телефон и снова набираю бессмысленные цифры.

ОНА ещё не знает, что с нами сделает, но я точно знаю, что наказание обязательно последует, и будет больно, и, главное, – очень-очень обидно. Так же, как обидно сейчас. Потому что этому телеканалу мы должны кучу денег с самого апреля. И единственный довод, который может предложить моё руководство – «мы очень крупная и серьёзная компания, второй по величине налогоплательщик в

области». По её убеждению, это должно вдохновить подрядчика на следующее размещение нашей рекламы, снова в долг, потому что каждый месяц бюджет маркетинга нещадно режется и ОНА не прикладывает никаких усилий, чтобы отстоять оплату долгов.

– Алло, – слышу я из трубки: бессмысленный прессинг кнопок соединил их в неизвестный мне телефонный номер.

– Компания «Гамбург», – автоматически говорю я.

– Очень приятно, «Гамбург», – смеётся мужской голос. – Давно вас ждём.

Куда я попала, боже мой?

– Ваш прайс-лист не изменился? – зачем-то лаянула я.

– Нет. Но, если вы хотите, мы можем вам выслать ещё один.

– Вышлите, пожалуйста, – продолжаю я этот шизофренический разговор.

– Вам по факсу, по электронке?

– Лучше по факсу, электронку с утра не проверяли, и сейчас там два часа будет качаться спам. Всё так запущено, – меня куда-то понесло, как Мэри Поппинс за зонтом.

– О, не у вас одних, – оживился голос. – Мы по понедельникам полдня стоим без работы, пока получаем почту и очищаем ящик.

– В девятнадцатом веке человечество всерьёз опасалось погрязнуть в лошадином навозе, – отчего-то произнесла я. – В двадцать первом веке мы утонем в электронном мусоре.

– Ничего, изобретут какой-нибудь новый агрегат, – рассмеялся голос. – Он будет работать на энергии, выделяемой человечеством от переваривания спама.

Пока я переваривала эту фразу, в кабинет стремительно влетела ОНА и, грозно окинув взглядом всех сидящих, зыркнула на меня:

– Ну что? Ты договорилась?

– Вы готовы? Стартую, – сказала я в трубку, нажала зелёную кнопку факса и ответила:

– Их менеджер сейчас ведёт переговоры с начальником рекламного отдела. Я перезвоню им через пятнадцать минут.

Мотнула чёрной гривой и прогремела каблучками в свой кабинет. Она специально, что ли, покупает обувь на такой тяжёлой гремящей подошве?

Из факса медленно поползла бумага и тут же сворачивается в трубочку. Куда ж я всё-таки попала? Может, когда-нибудь потом посмотрю на обратный номер, вычислю по телефонной базе. Когда-нибудь, когда этот день закончится...

Как только освободился телефон, я начала названивать на телеканал. Упрашивать, умолять. Человек, который ещё недавно работал на моём месте, называл эту функцию «придурок-попрошайка».

– Вы – самый лучший, самый рейтинговый канал. Он у нас основной в медиаплане, – что ещё можно сказать в ответ на «Вы должны нам полмиллиона»? Долгий и тяжёлый двадцатиминутный разговор, полный моих вздохов и извинений за свою амбициозную компанию...

И всё-таки я нашла ниточку, за которую можно потянуть. Самым действенным аргументом стало то, что «когда мы в этом месяце заплатим вам и те пятьсот, и ещё триста новых, это ж какая будет сразу куча денег!». И клятвенно пообещав, под свою личную ответственность, что «вот буквально завтра начнём платить», я получила вымученное согласие.

Я влетела в её кабинет, сияя:

– Они согласны, только если мы им в этом месяце всё заплатим!

– Заплатим, – ответила без тени радости на лице и выдала компакт-диск с новым рекламным роликом.

Я упала на свой стул без сил и решила, что сегодня перевыполнила дневную норму. Не буду больше ничего делать, вот только отвезу ролик на четыре канала и допишу отчёт о проведении Дня города.

На моей клавиатуре лежала свёрнутая в трубочку факсовая бумажка. Я развернула её. «Давайте встретимся сегодня вечером, – написал равнодушный факс незнакомым мне почерком, – у кинотеатра в 19-00».

С трудом я сообразила, что это тот самый «прайс», который я получала неизвестно от кого.

– Марина! – окликает меня голос на остановке. – Марина, я уже полчаса жду!

Совершенно незнакомый парень подходит ко мне и дарит батончик «Пикник».

Смотрю на него в упор, пытаюсь вспомнить... Наружная реклама? Сувенирка? Может, оператор с какого-нибудь канала? С подрядчиками общаюсь чаще по телефону...

– Я ж тебе сегодня свидание назначил, по факсу. Ну, ты меня не знаешь. Я в одной фирме работаю, в команде «Кэдбери». Любишь «Пикник»?

– А если бы работал в команде «54 метра», тогда бы мне бумаги туалетной презентовал? – усмехнулась я.

– А пошли в кафешке посидим? Или лучше знаешь куда? В «Сибирку»? Давай? За пять минут доедем.

Пока маршрутка везла нас в пивной ресторанчик, мы развивали тему, что подарит девушке супервайзер по водке, по компьютерам и по презервативам.

И только усевшись за столик и сотворив заказ, я попыталась познакомиться.

– Ну, человек-шоколадка, рассказывай, откуда ты меня знаешь.

Он долго строил из себя Дэвида Копперфильда, а потом просто сказал:

– У тебя на лацкане бейджик, там твой «Гамбург», имя-фамилия и должность. Вот так, Марина Данаева, специалист отдела маркетинга. Я сразу понял, что ты за человек, когда в своей конторе трубку взял вместо секретарши.

– М-м, как интересно, – сказала я, снимая бейджик с пиджака. – И что же это ты понял?

– Что-то. Что тебе плохо. Ты чуть не разревелась. Наверное, начальство наорало. Пока заказ принесут, ты съешь шоколадку. Там эндорфины – гормоны счастья...

Вечер закончился утром. Я так и не спала всю ночь. Наутро вызвали такси, прямо из «Сибирки», потому что я боялась опоздать на работу. Опоздание – равно штраф, десять процентов от зарплаты.

Переёв и перепив гормонов счастья, работать не хотелось вовсе. Но уже через час, по исходу планёрки, настроение было совсем иным.

– Составить список вип-гостей на открытие ресторана, подать его к трём часам на утверждение директору!

Лошадь с хвостом на голове – моя начальница – как будто специально ночами выдумывала, как похлеще проявить свою ненависть к специалистам. Что мешало ей дать это задание неделю назад? А может, сей квест босс подал ей как раз этой ночью?

Обзвон трёх десятков секретарш примерно с одним и тем же идиотским вопросом «Пётр Иванович (или Мирон Наумович) ещё является главным санитарным врачом города (или председателем правления Плюмбумбанка)?» занял у нас с коллегами пять часов, на обеденный перерыв мы не ходили, потому что кушать таким бездельникам некогда.

За отработанный список, поданный в 14-45, мы получили по самые уши. Оказалось, необходимо уточнить в каждом офисе не только адрес, но и время, когда можно доставить приглашение, имя и чуть ли не год рождения офис-менеджера...

Вечером мы решили напиться до потери человеческой речи.

В конце рабочего дня я достукивала текст письма с рассылкой моего резюме, когда получила смс, где мне сообщили, что я самая прекрасная и что от меня пахнет васильками. Интересно, какой у васильков запах?!

Откинувшись на стуле, я отдыхала и тихо таяла от воспоминаний. Как наши пальцы терлись друг о друга, опрокидывая мысли и мешая разговору. Как, выйдя из ресторана, мы целовались без отрыва почти час, отчего пришлось вызывать такси и дальше смущать таксиста, впрочем, ему не привыкать... Весь день приходилось заглядывать в зеркальце, потому

что казалось, что мне расцарапало всю шею его щетиной... Я заснула за столом, кажется, минут на двадцать, так крепко, что крик телефона не сразу смог привести меня в чувство: где я и кто все эти люди?!

Вечером мы всё-таки пошли в боулинг всей командой. Амуры амурами, но дух коллектива – это святое. Хмель подействовал мгновенно, и проснулась я дома с опухшими глазами. Кто-то довёз меня и передал грустной маме.

В субботу нечего и думать было об отдыхе. Открытие ресторана – праздник только для тех, кто приглашён. Мы же – закулисные духи, без которых праздник невозможен.

Всё сразу пошло наперекосяк. Позвонили из агентства и сообщили, что заболела солистка, которую мы прослушивали накануне. Петь гостям будет неизвестная нам особа. Для подстраховки я попросила прислать двоих.

Аппаратуру привезли на два часа позже назначенного времени, поскольку застряли в пробке из-за приезда какого-то важного перца в наш городишко. Заканчивали настройку уже при первых гостях...

Из настольных табличек, что вчера распечатывал дизайнер, три оказались с жуткими грамматическими ошибками; полчаса вызванивали Генку, талантливого дизайнера и законченного двоечника, чтобы он проснулся, добрался до офиса и там перепечатал заново...

Но самым непредвиденным оказалось то, что накануне трое новых официантов намертво переругались с администратором и не вышли на работу. И Лошадь ничего лучше не придумала, как надеть фартуки на маркетологов... Наталья Павловна, администратор ресторана, наскоро инструктировала нас, с какой руки подавать горячее и забирать посуду, при этом мы дружно натирали рюмки и фужеры льняными полотенцами. Что ж, полезное занятие – теперь буду знать, как добиться, чтобы посуда сияла и не цепляла следы пальцев...

В перерывах между накрыванием столов я бегала встречать приглашённых телевизионщиков. Два канала пришли вовремя, получили свои пресс-релизы и занялись своей аппаратурой, а ещё два привычно опаздывали и заставляли дёргаться.

Видя, что я присела на минуту и беседую с фотографом, Лошадь поманила меня пальчиком с дюймовым ногтем: «Когда генеральный будет говорить слово, пусть обязательно все снимают. И ещё помоги Наталье Павловне расставить вот эти жёлтенькие шарики».

Ресторан стали наполнять представители городской номенклатуры. Пузатые дядьки с разномастными спутницами,

молодые лоснящиеся мужики с жёнами, похожими на бабушек...

В вип-зале распевались солистки. Одна – вроде бы ничего, голосистая, вторая вызывала большие сомнения.

Фанфары – босс сказал торжественное слово, ТВ торжественной шеренгой это отсняли, слегка прошлись по залу, и затем я усадила их за отдельный столик, ближе к служебной двери, чтоб удобнее было сновать между кухней, гостями и своей прямой работой – связями с общественностью.

Дальше маятник стал раскачиваться с нарастающей скоростью. Кухня-гости-телевидение-кухня, и запомнилось только «Эй, водки ещё принеси! Эй, девушка, нельзя нам побыстрее пельмени?! Девушка, а заказать можно?».

Я уже помнила в лицо всех гостей, их можно было перемешать, как колоду карт – я рассадилась бы назад с точностью процентов на девяносто...

На кухне кучкой сидели на корточках наши измотанные маркетологи. Женька ещё пытался по привычке балагурить, но кислые улыбки коллег ему очень мешали...

Гости уже танцевали, и кто-то дошёл до чая, самые воспитанные начали расходиться.

Я попрощалась с телевизионщиками (дежурной фразой «В понедельник ждём тексты на согласование!») и присоединилась к коллегам, высокопрофессионально убирающим грязную посуду с опустевших столиков.

Каменные ноги на автопилоте носили меня по привычному маршруту зал-кухня, голова уже и вовсе отключилась, желудок схлопнулся (гордость не позволяла подкармливаться с чужих столиков). Пока мы убирались, зал пустел, и через два часа мы убрали всё, кроме столика нашего босса, за которым сидели Лошадь и ещё двое гостей.

Тогда мы и сели наконец за самый дальний столик, где никем не тронутые стояли разносолы и уцелевшие бутылки. Мы накинулись на еду, как блокадные ленинградцы, и даже не заметили, как босс с Лошадью проводили последних гостей и подошли к нам.

– Присядем к вам, ребята, – сказал босс очень медленно, и маринованная кукуруза застряла с той стороны моего адамова яблока.

Лошадь привычно улыбалась.

– Давайте нальём, – предложил он, и Женька первым подхватил инициативу. – Хочу сказать вам спасибо. Вы сегодня всё очень хорошо организовали, вы – крепкая команда. Молодцы. Спасибо.

Он ещё долго говорил что-то, слабо различимое сквозь громкую музыку, и Лошадь поглядывала на него, шевеля губами: «Давай поедем. Тебе хватит уже». Свалили, очевидно, в королевскую конюшню.

Когда закончился этот день, мы взяли такси и всей толпой поехали в клуб, где мы имеем бесплатный вход, потому как спонсорим одну из регулярных вечеринок. Несмотря на каменные ноги, я уплась до одури. Наша дружная команда орала громче всех и сделала недельный план бару.

Он позвонил только через неделю. К этому времени я жестко подседа на сигареты и абсолютно убедилась, что моя личная жизнь в очередной раз дала трещину: на две моих смс не пришло никакого ответа.

Только работа и помогала забыться. Первые два дня – это жёсткий прессинг при согласовании телесюжетов об открытии ресторана, потом – беготня с газетными статьями, обед за факсовым аппаратом и крики по телефону: «Третья снизу строчка – переделайте! Ждём верстку!»

Он позвонил и спросил как ни в чём ни бывало: «Что вечером делаешь? А после работы? А это во сколько?» Он заехал за мной ровно в шесть.

Хотя заехал – крепко сказано. Его офис находился через забор от нашего, и физическое расстояние измерялось десятками метров. Если обходить пешком – минут десять. Мы ехали долго, больше часа, половину этого времени выбираясь из пробки и снова привыкая друг к другу.

– Ты хочешь есть? – спросил он.

Думала, снова достанет шоколадку, но он продолжил:

– Можно поехать в кафе к таджикам, там обалденный плов, но не очень презентабельно. Если хочешь, давай в «Гульден», новый ресторан открылся.

При слове «Гульден» меня охватила смеховая истерика. Пришлось объяснять, что почти неделю назад прислуживала там на добровольных началах. Он присвистнул и сказал только:

– Слушай, а что ты вообще делаешь в этой гнилой конторе?!

Его машина так и осталась стоять на стоянке у таджика, а я два дня не выходила из чужой квартиры – мы были вместе каждую минуту, напиваясь друг другом словно родниковой водой, и приходили в себя только от голода. Его глаза сияли, он плакал от счастья в мои волосы, а я пела ему давно забытые мной песни.

– Ты такая шелковистая, – приговаривал он, глядя мою спину. – Ты – мой подарок. Знала бы ты, какой груз свалился с моей души – появилась ты, такая красивая...

– Ты – сказка моя, – отвечала я, – сказка, которая выпала из давно забытой

книжки, как старый жёлтый рубль бирманат.

Он создан будто по заказу: мне нравилось, что его ладони тёплые и сухие, волосы и мягкие и пахнут по-особому, по-домашнему; губы не по-мужски бархатисты и не обветрены, спина большая и мягкая, а мышцы рук, наоборот, твёрдые, надёжные.

Мне нравилось целовать его в глаза, в сгиб локтя, в уголок подмышки с ароматом по-кофейному крепким. Здесь, в партере, его лицо менялось неузнаваемо – именно таким я запомнила его. Здесь он был совсем другой, поэтому потом сложно было откровенничать с ним, одетым по всей форме, причёсанным, с рабочим задором в глазах.

Ни один из нас не решился задать вопрос, когда снова. Мы так и расстались в полупоцелуе, и только его запах весь день преследовал, испаряясь от меня. Горели губы и неудобно сиделось, а сердце колотилось на каждый звонок по мобильному.

Как в холодную воду, вошла в новую рабочую неделю – и словно приснилось мне его мягкое плечо под моей щекой...

К вечеру в понедельник пришло новое задание – срочно отчёт о призовой акции и письмо на канал: смените название передачи, поскольку это название зарегистрировано у нас, или попробуйте с нами «договориться».

Мы всем отделом бились лбом о столы, когда слышали о письме. Канал, который устал размещать нашу рекламу в долг, но всё-таки идёт на уступки, теперь должен ещё платить нам за какое-то идиотское название! Утонченное зверство нашей Лошади приобрело новый блеск!

Просидев на работе до половины девятого, съев четыре пачки чипсов (всегда их ем, когда остаюсь вечером делать серьёзную работу), я сложила на столе пачку служебных записок на завтра и вышла из офиса. Его машина стояла пустая на стоянке. Я подождала: вдруг он ждёт меня, просто отлучился – и без результата отправилась домой.

– Ты что, курила? – возмутилась мама. Значит, волосы пропахли – по дороге я выкурила штуки три.

– Мама, ты бы лучше спросила, где я шлялась три ночи!

Мама махнула рукой и через десять минут позвала есть борщ. Первая нормальная еда с четверга.

В среду вышли последние газеты со статьями про ресторан. Они лежали на моем столе ещё не прочитанные, когда по местному телефону Лошадь приказала: «Зайди ко мне!», и в кабинете, грозно окинув взглядом, начала психологическую атаку:

– Кто писал статью для «Ведомостей»?

– Их журналист.

– Вы её читали?

Мы, конечно, читали её на пятнадцать раз, но, судя по вопросу, прохлопали что-то ужасное.

– Вы её читали, я спрашиваю?

Я киваю.

– Вы её с кем-то согласовывали?

Я припоминаю и начинаю сразу оправдываться. (Это Лошадь так на меня действует. У меня из рук падает ручка, потом ежедневник, потом чешется ухо, течёт нос).

– Статьи написаны на основе одного и того же согласованного с вами пресс-релиза. Разные журналисты их чуть подправили под формат газеты. А что случилось?

– А с Хитровым хоть кто-то созванивался? Идите, почитайте, – она почти швыряет мне газету. – Готовьте объяснительную: с кем согласована статья.

На мёртвых ногах доползаю до кабинета и открываю газету. Строчки прыгают. Знакомый, сотни раз прочитанный текст. И вдруг до меня доходит: «Владимир Хитров заявил, что прочие рестораны явно не дотягивают до уровня “Гульдена”». Это явный скандал. Хитров владеет сетью ресторанов восточной кухни, и в таком ракурсе получается, что его рестораны тоже не дотягивают.

Снова звонит Лошадь и требует меня. Ребята в отделе уже смотрят друг на друга с нарастающей тревогой, я показываю им пальцем злосчастный абзац и иду к Лошади.

– В общем, так, – многообещающе начинает она. – Маркетолог Хитрова только что звонил мне. Он намерен обратиться в антимонопольный комитет, будут выставлять претензию нам и газете.

– Но мы-то при чём? Это же правка журналиста?! – возмущаюсь я, и зря.

– Какого, ля, журналиста, – взвизывает пыль до потолка. – Это вы, лично вы, на, пропустили этот косяк, весь ваш тссский отдел. Кто именно работал с «Ведомостями»?

Сейчас придётся выдать Алёнку. Она утвердила статью, согласовав её со мной по телефону, потому что я была на телеканале. Но реально это моя оплошность. Надо было Алёнку отправить к Лошади, но та в день сдачи уезжала на дегустацию, ждать было некогда. Просто сплошное невезение.

Я говорю, что не помню, но виновата только я.

Прихожу в отдел и пишу объяснительную. И заодно заявление на увольнение. Ребята смотрят на меня широко открытыми глазами. Алёна пишет заявление. Её губы сильно дрожат. Она устроилась в компанию всего два месяца назад и сейчас может вылететь с жутким треском.

Звонит Лошадь и требует Алёну. Уже догадалась. Я отдаю Алёне свою объяснительную, подкладывая снизу заявление на увольнение. Мальчишки тоже берутся за ручки и бумагу. Они сообщают, что не смогли

работать, если мы уйдём. Мы очень нервно смеёмся.

Всё. Сегодня мы все умрём. Всё из-за какого-то Хитрова и его пиар-службы.

Звонит телефон.

– Что ты делаешь в пятницу? – спрашивает тот, кого я так ждала. Мне хочется уйти с работы в ту же секунду, даже не собрав вещи в сумочку, и очутиться в его холостяцкой квартире. Но прямо сейчас я не нужна – нужна в пятницу.

– Думаю, в пятницу я буду совершенно свободна, – отвечаю я с едкой самоиронией.

– Что-то случилось? – беспокоится он.

– Случилось, – я коротко, по-деловому, излагаю ему наш кризис.

Через минуту меня снова вызывает Лошадь, в двери мы расходимся с зарёванной Алёной.

– Это что? – спрашивает начальница, кивая на белый лист с моими каракулями.

– Заявление. Прошу уволить меня за то, что не справилась с обязанностями и спровоцировала конфликт.

– Забери это и порви. И запомни: никогда так не пиши. Что будем делать?

Она достала из тумбочки металлическую фляжку и сделала оттуда изрядный глоток.

– Ну, можно написать два письма: гневное – в газету и Хитрову – с извинениями.

– Вот и напишите, – отрезала она. – Вместо этой галиматши, – и резко отодвинула от себя моё заявление.

Вечером мы сочиняли письма. Для этого напились кто водки, кто пива. Письма вышли просто загляденье, запорожцы с турецким султаном отдыхают. Выразили благодарность пиарщикам Хитрова за неуклонное внимание к нашим публикациям.

Что она сделала с письмами, мы так и не узнали. Были ли они отправлены или нет... Весь четверг мы прислушивались к грохоту каблуков за стеной. Не в силах заниматься чем-то менее важным, я перебрала все бумаги в столе. Ненужные медленно и методично изорвала, на шестнадцать кусочков каждую.

Ближе к вечеру к нам зашла секретарша босса и тихо спросила меня:

– Вы с Хитровым точно всё уладили?

Сердце сразу застучало так, что зазвенели стёкла витрины в нашем кабинете.

– Он назавтра назначил встречу с директором.

Такой тишины в нашем задорном маркетинге не помнит никто.

Остаток дня мы ходили по стенке, по одному доползая до туалета и обратно. По

моему примеру Алёнка и мальчишки перебрали все свои рабочие документы, втихушку составили и разослали резюме и, конечно, каждый держал на последнем развороте ежедневника перевёрнутое лицом вниз заявление на увольнение.

Наутро в пятницу мы совсем не смотрели друг на друга. Алёна была блее сметаны, которую мы с трудом пропихивали в себя в обед.

Под нашими окнами припарковалась машина Хитрова, её номера я почему-то запомнила на всю жизнь: три буквы «О», два нуля и посередине – единица как «фак» всем нам, всем хана...

Первые сорок минут его визита где-то на соседнем этаже мы сидели, вязко глядя перед собой в пустоту.

Когда он уехал, ещё с час мы не двигались и не разговаривали.

За нами никто не пришёл.

Мы ушли с работы ровно в пять, и на берегу реки пили всю ночь до полудня субботы.

Проснувшись поздно вечером, я обнаружила смс: «Привет! Мы встретимся в обед?»

Ранним утром по дороге на работу вижу одну и ту же картину: дворники убирают площадь у кинотеатра после ночных гуляний. Упаковки от чипсов, семечек, стаканчики и попкорновые картонки напоследок снова смешиваются в общий хоровод. Алюминиевые банки утаптываются тётками до компактных размеров. Хозяйками города вороны придиричиво разглядывают газоны.

На лавочке сидит помятая девка, встрёпанные волосы и северный ветер в глазах – всё, что осталось от вчерашнего праздника. Она просит у меня закурить, и я от жалости высыпаю ей полпачки и подношу зажигалку – может, в ней ещё живёт способность отогреваться от таких пустяков?

Что ждёт меня на работе сегодня – наверное, уже не важно. Важно то, что случилось за эти дни: он принял решение уехать в Москву, куда его приглашают на повышение. И мне невыносимо будет переживать это первые несколько недель, вспоминая его слова, запах, тёплые руки. И в полном окаменении я откажусь от нового места работы и останусь в своей прессинговой конторе только потому, что силы все истрачены на безуспешные попытки рассмотреть в окно, как у перекрёстка скапливаются и трогаются машины и сидящие в них люди смотрят равнодушно ушами друг на друга. И ни один не может понять, что его автомобиль давно проехал мимо.